

и т.д. Думаю, с учетом этого обстоятельства, что они не слишком нуждались в пополнении доходной части своего бюджета за счет незначительных поступлений с «последних вилланов».

В этих манорах, кроме того, была значительной прослойка зажиточной копигольдерской аристократии (держателей участков типа мелких вотчин, площадь которых превышала 150 акров и достигала подчас 500–600 акров). Таковых в манорах Пемброков в XVI в. насчитывалось около 14%; они сосредоточили в своих руках примерно 34% площади обычного держания. Похоже, что именно эта прослойка в значительной мере удовлетворяла растущие запросы лордов в их стремлении к повышению доходности поместий – более чем потенциальный денежный вклад в манориальный бюджет от отпуска на волю «последних вилланов».

Некоторые данные о «последних вилланах» мы можем почерпнуть также из описей маноров Уалсден и Россендейл (упомянут выше) поместья Рочдейл в Ланкашире, которые фиксируют их наличие даже и для более позднего времени, а именно для первой четверти XVII столетия²¹.

Итак, мы видим, что анализ положения «последних вилланов» в Англии XVI столетия вносит определенные коррективы в наше понимание аграрной специфики этой страны в период генезиса капитализма и способствует несколько иному, отличному от традиционного, взгляду на проблему соотношения различных юридических категорий английского крестьянства в канун революции.

Примечания

¹ Вопрос о «последнем вилланстве» изложен также в моей монографии об английском маноре. См.: *Ви-*

нокурова М.В. Мир английского манора. М., 2004, С. 217–228.

² *Савин А.Н.* Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903. С. 46.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ См.: *Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566–67* / Ed. by Ch. Straton. Oxford, 1909.

⁶ *Савин А.Н.* Указ. соч. С. 19.

⁷ См. также: *Винокурова М.В.* Кто такие «последние вилланы» в Англии XVI века? // *Средние века*. М., 2001. Вып. 62. С. 84–95.

⁸ Здесь мы, не вдаваясь в тонкости терминологии манориального права, ставим знак равенства между обычными держателями и копигольдерами (собственно, в историографической практике эти понятия традиционно считаются практически идентичными).

⁹ *Савин А.Н.* Указ. соч. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 17.

¹¹ Бовата составляла примерно 15 акров.

¹² См.: *Савин А.Н.* Указ. соч. С. 47–52.

¹³ Там же. С. 40–52.

¹⁴ Там же. С. 43.

¹⁵ Там же. С. 43, 44.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 46.

¹⁸ Там же. С. 46 и след.

¹⁹ См.: *Винокурова М.В.* Мир английского манора... С. 289–345.

²⁰ Там же. С. 55–57.

²¹ См.: *The Survey of the Manor of Rochdale in the County of Lancaster, Parcel of the Possessions of the Worshipful Sir Robert Heath, Knt., His Majestys Attorney General, made in 1626* / Ed. by H. Fishick. Manchester, 1913.

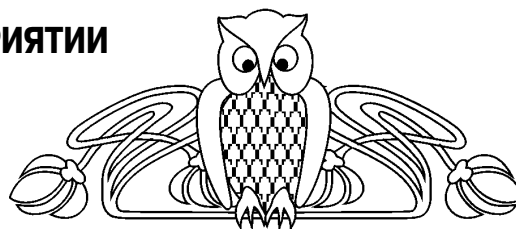
УДК 950

ВЛАСТЬ В ВОСТОЧНОМ ГОРОДЕ В ВОСПРИЯТИИ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА

О.В. Королева

Саратовский государственный университет,
кафедра туризма и культурного наследия
E-mail: korolevaov@mail.ru

В статье исследуется проблема складывания представлений английских путешественников о властных отношениях в восточных городах в конце XVI – первой трети XVII века. Для реализации своих интенций европейцы нуждались в других культурных ареалах. Восточные города в их восприятии были местом концентрации государственной «бюрократической» власти, представленной наместниками верховного правителя, и где отсутствовали какие-либо намеки на автономию, не говоря уже о каких-то правах горожан. Путешественники

предпочитали писать о деспотичной форме правления, отсутствии свободы, безопасности и частной собственности, что позволяло европейцам в раннее Новое время заявить о своем превосходстве над мощными и внушительными неевропейскими цивилизациями.

Ключевые слова: образ власти, образ Другого, восточные правители глазами английских путешественников, восточный город, путешествия англичан в раннее Новое время, записки английских путешественников, диалог культур.

Power in Eastern City in Perception of the English Travellers at the End of XVI – Beginning of XVII Centuries

O. V. Koroleva

This article has analysed the portrayal of eastern countries as «another» culture by English travellers. The endeavour was to show what were early modern English perceptions of «Eastern» power. The «backwardness» of the «others» was portrayed in the English travel writings through critical remarks concerning the political system of the eastern countries. English traveller had the same view and thought that eastern cities were rich but they needed a good government. In the English travel writing of East, a ruler quickly becomes the focus of the civilized/barbaric binary. Eastern ruler (supreme or local) and his power were depicted as despotic if not tyrannical, controlling all aspects of his subjects' lives. Travellers preferred to write about the absence of freedom, safety and private property that allowed Europeans to declare their superiority over the most powerful and impressive non-european civilizations during early modern time.

Key words: early modern English travels, eastern rulers through English travellers eyes, English travel-writing, Eastern city, cultural Dialogue, English image of Eastern Other, English imaginary of «Eastern» power.

Исследования по истории европейского средневекового города позволяют говорить о том, что город в эпоху стремительного подъема городской цивилизации Запада играл особую роль в сознании человека того времени, а описания городов занимали важное место в средневековых книгах о путешествиях европейцев на Восток. С расцветом крупных торговых центров и ростом политического влияния городов Европы интерес путешественников к городам усиливался. Интересно проследить, вызывал ли город, как феномен, интерес у путешественника в раннее Новое время? Выбор города в качестве площадки, где происходит соприкосновение культур, представляется интересным, поскольку образ города вмещает в себя множество различных образов и культурных символов. Город представляет интерес «как сложный социальный организм, и как поле политических битв и манифестаций, и как сосредоточие культурных и цивилизационных достижений, и как пространство особого языка и особой речи»¹. Но, прежде всего, город является пространством, организованным по своим собственным законам, со своей социальной и политической жизнью. «Наконец, – как пишет Ф. Бродель, – не существовало городов без власти, одновременно и защищающей и принуждающей, какова ни была форма такой власти, какая бы социальная группа ее ни воплощала»².

В связи с этим интерес представляет реакция европейских путешественников, в частности англичан, на общественные отношения в восточных городах в конце XVI – первой трети XVII века. Какой представлялась им власть в восточном городе, какое место в жизни города занимала верховная власть, что они думали о правах горожан? Каково было их отношение к виденному? Решение этих

задач даст возможность понять, какие проблемы интересовали английских путешественников как носителей европейской городской культуры.

По словам Д.Н. Замятина, в процессе формирования образа путешествия задействованы «механизмы осознания и осмысления пространства»³. Исследование ментальности английских путешественников на Восток позволяет, используя диалогический подход к взаимоотношению культур, интерпретировать диалог между «своим» и «чужим» с точки зрения места и роли в нем человека. Записки англичан о своих путешествиях к востоку от Персии, ставшие объектом нашего исследования, представляют собой, в некотором роде, путевые отчеты – описание перемещения в пространстве, занесенное в дневник в соответствии с соблюдением хронологии. Среди тех, кто познакомил английских читателей со своим видением восточных стран, были торговцы, капитаны, доктора, священники, руководители экспедиций, но всех их объединяла непосредственная причастность к Ост-Индской компании. Руководство Ост-Индской компании с уверенностью заявляло, что может извлечь максимум выгод, приложив лишь небольшие усилия, чтобы достигнуть соглашения с местными властями⁴. Поэтому путешественники наделялись не только особыми торговыми полномочиями, но и должны были в своих отношениях с восточными властями представлять короля Англии.

Попытаемся ответить на вопрос – понимал ли европеец принципиальные отличия отношений восточного города с центральными и местными органами власти?

Прежде всего, обратимся к проблеме взаимоотношений городов Востока с центральной властью. Для европейцев было привычно, что у городских корпораций есть свои права, которые признаны не только различными государственными структурами, но и верховными правителями. Эти права (как, впрочем, и обязанности) фиксировались документально. С чем же сталкивались европейские путешественники в восточных городах?

В записках путешественников восточное государство предстает как деспотическое, а персонификацией произвола и своеволия является сам деспот в лице правителя. В один голос представители всех наций, путешествовавшие по Могольской империи, будь-то во времена Джахангира, Шах-Джахана или Аурангзеба, говорили о высокой концентрации власти в руках верховного правителя. Поэтому не случайно в записках путешественников образ восточной страны неотделим от образа восточного правителя. Необходимо отметить, что английские путешественники до прибытия в Могольскую империю и «знакомства» с «Великим Моголом», как они называли падишаха, имели опыт общения с «Великим Турком», правителем другой восточной страны – Османской империи. Свой опыт пребывания в Османской

империи и поведения при дворе османского султана они охотно распространяли на другие восточные страны. Наличие опыта общения с правителями восточных государств в некоторой мере влияло и на «отбор» кандидатов на роль представителей Англии при могольском дворе. Так, в официальных документах Ост-Индской компании назначение Томаса Роу на должность английского посланника при дворе Джахангира объясняется тем, что он характеризуется как «мужчина богатого ума, оратор, трудолюбивый ученый с приятной внешностью», а «такая комбинация качеств полезна в любой дипломатической миссии, но это особенно ценно при восточном дворе», где «личное мнение монарха определяет и общественное мнение»⁵.

Однако после прибытия в Индию английским путешественникам казалось, что они вступили в новый, чужой для них мир, к встрече с которым они были не достаточно подготовлены. Неудачные попытки англичан заполучить шахский фирман на свободную торговлю в Индии показывают непонимание ими природы могольской власти. Журнал Роу как нельзя лучше отражает восприятие ее англичанами. Перед английским послом при дворе Джахангира стояла задача заключить надежное соглашение, которое бы гарантировало свободную торговлю англичанам на территории Могольской империи и, таким образом, положило бы конец постыдным притеснениям, произвольным пошлинам и конфискациям, которые англичане терпели от рук местных властей⁶.

Необходимо отметить, что даже благосклонность падишаха не давала Ост-Индской компании 100%-ной гарантии для спокойной торговли в стране. По фирману Компания должна была платить пошлину только в порту⁷. Однако английские путешественники жаловались на местные власти, которые нередко чинили англичанам препятствия, а порою, как они писали, «обманывали» их. Так, капитан Уолтер Пейтон возмущался непомерными поборами со стороны могольских чиновников в Сурате, куда он прибыл 18 сентября 1615 г. Оскорбленный путешественник пишет, что их, как и всех торговцев, тщательно обыскивали, даже карманы. «По обычаю этой страны, – пишет Пейтон, – человек должен заплатить таможенную пошлину за каждый доллар в его кошельке, или хороший нож в его кармане; а если у него имеется какая-нибудь редкая вещь, с полной уверенностью можно сказать, что ее у него изымут под предлогом покупки»⁸.

Несмотря на то, что европейские путешественники в один голос заявляли об очень высокой концентрации власти в руках верховного правителя – падишаха, местные правители находили способ обмануть его, пользуясь тем, что не было четкого определения прав и обязанностей во взаимоотношениях «элиты» общества с властью. Т. Роу сообщал о злоупотреблении правителями

портовых городов привилегиями, дарованными «королем». Они были наделены правом сбора налогов и торговых пошлин, которые, как пишет Роу, часто «обращают их к своей собственной прибыли»⁹. Отсутствие законов «на бумаге», по его словам, развязывало руки как верховному правителю и его придворным, так и его заместителям в городах.

Термин «взятка», употреблявшийся англичанами по случаю вынужденного подношения ценных подарков падишаху и местным властям, верно отражал ситуацию, но был неуместен применительно к восточному обществу. Здесь подарки были не нарушением закона, а нормой поведения нижестоящего лица по отношению к вышестоящему. В восприятии англичан это было еще одним проявлением варварской сущности Востока.

Обвиния в своих записках восточную власть в коррупции, путешественники, казалось, забывали, что отношения патроната в европейских странах считались вполне естественными и необязательно воспринимались как коррупция. Однако, по своей сути, они именно такими и были, поскольку подразумевали плату для патрона или маклера. Лишь в конце XVIII в. этот буржуазный взгляд на подношения как на взятку возобладал в европейском обществе¹⁰.

Несмотря на почти трехлетнее пребывание Роу при дворе падишаха, он так и не смог получить «надежного» письменного документа, в котором бы перечислялись торговые права англичан. Как свидетельствует путешественник, Джахангир мог дать письменное разрешение – фирман, которое шло вразрез с более поздним устным соглашением¹¹. Когда Роу понял, что его ожидания были обмануты, вместо того, чтобы увидеть причину неудачи в собственном высокомерии и заносчивости, он сделал вывод, что для Моголов сила письменного слова ничего не значит. Покидая эту «страну без кодекса и закона, управляемую капризом и волей монарха», он восклицал в гневе: «... тяжелый труд с варварами и бесчестными людьми выше моих терпений»¹². В письмах руководству компании Роу неоднократно жаловался на прием, сетуя на то, что «аборигенам» не под силу понять, что в Европе значит статус и ранг посла. Он рекомендует в будущем нанять агента для исполнения подобных обязанностей, который мог бы стерпеть эти публичные унижения и обиды, которые он, как посол, не мог вынести¹³. Это заблуждение англичан насчет шахского фирмана было одним из многих случаев перенесения европейцами своих понятий на восточные реалии. Они полагали, что он будет таким же обязательным к исполнению и эффективным, как хартия, полученная от английского короля. Однако для самого падишаха ограничение его власти какими-то обязательствами было странным и нежелательным.

Первые англичане, прибывшие в Могольскую империю, с трудом могли разобраться в системе

управления городов. Английские путешественники отмечали, что в одном городе могло быть несколько «правителей», что приводило их в замешательство при прибытии в тот или иной город, поскольку они не знали, к кому из них нанести первый визит. Например, с этой проблемой столкнулся Уильям Хоукинс, прибывший в Сурат 24 августа 1608 г. На таможене он узнал, что правление Суражом принадлежало двум «вельможам» – «вицекоролю Декана Хан-Хану» и «вицекоролю Гуджарата Мукроб-Хану»¹⁴. Необходимо заметить, что морские порты, в частности Сурат, ввиду их особой значимости не были в ведении провинциальных, областных или окружных властей. Назначение сюда чиновников производилось непосредственно из центра. Так, порт Сурат оставался в распоряжении падишахской казны. Два правителя Суража, упомянутые Хоукинсом, вероятно, были мутасадди¹⁵ Суража Мукарраб-Хан и назим Гуджарата Хуррам¹⁶. Когда «посланник короля Англии Якова IV», как назвал себя Хоукинс, обратился к главному чиновнику таможенной службы с намерением основать факторию в Сураже и торговать английскими товарами, тот ответил, что он сам ничего не может сделать без распоряжения «хозяина», как он назвал Мукарраб-Хана, который в то время был в Камбее. Тогда англичанин отправился к «Хан-Хану», который в то время находился в городе, но ему было отказано в приеме по причине его плохого самочувствия. Интересно то, что сам Хоукинс был уверен, что правитель, будучи «человеком в возрасте», злоупотребил опиумом. Однако и визит к нему на следующий день не принес путешественнику никаких результатов, поскольку, выслушав рассказ о торговых планах англичан в Сураже, он ответил, что решение таких вопросов не входит в его компетенцию, а все вопросы торговли и мореплавания находятся в ведении Мукарраб-Хана. Однако, как оказалось, Мукарраб-Хан, ответ от которого из Камбея привез посыльный, не мог позволить англичанам основать факторию и торговать в городе без санкции на то «императора» и советовал отправиться ко двору¹⁷. Таким образом, в записках У. Хоукинса Сурат предстает бюрократическим городом, не имеющим самостоятельного, автономного управления, подчиненным непосредственно власти «Великого Могола». И экономическая жизнь города была под полным контролем центральной власти, о чем будет сказано ниже.

Для понимания положения и роли восточных городов важно учитывать, что, по сообщениям большинства европейских путешественников, земля в Могольской империи была собственностью государства. Значительная часть земель, в том числе и города, отдавалась на правах условного ненаследственного служебного владения военачальникам. На доходы от этих наделов они были обязаны содержать отряды воинов, количество которых соответствовало чину военачальника и

размеру земельного владения. Английский дипломат Томас Роу рассказывал, что правитель Паттана, который в то же время являлся правителем четырех бенгальских городов, получал огромный доход от своих владений. В его гарнизоне насчитывалось 5 тысяч лошадей¹⁸. Также Т. Роу описал свою беседу с этим правителем относительно доходов казны падишаха и способов их увеличения. Англичанин узнал, что казна верховного правителя пополнялась разными способами: за счет конфискаций, подарков и вычетов у главных чиновников. Правительство каждой провинции должно было ежегодно платить определенную ренту «королю».

Ф. Бернье характеризовал способ существования гражданских и военных чиновников как паразитический. По его словам, такая полная зависимость наместников от верховной власти превратила их в «распутных нахлебников»¹⁹. В рассказе англичанина Э. Терри также встречаются похожие слова в адрес чиновников. Он называет их «распутниками», в которых они превратились благодаря огромным доходам от владений, полученных ими от падишаха за службу и благодаря его покровительству²⁰. Однако, как пишет Э. Терри, это был не единственный источник их доходов. Он жалуется на городских чиновников, которые только и ждали «проявления милости» со стороны правителя и подарков от всех, кто к ним обращался, по любому случаю. С некоторой долей иронии он пишет о том, что если им не хватало подарков, то они сами просили их, а если это не помогало, то грозились уйти в отставку²¹.

Свое недовольство местными правителями оставил в журнале и У. Хоукинс, который отмечал, что ни Акбар, ни Джахангир не могли справиться с произволом властей в отдаленных провинциях²². По его словам, в своих провинциях они делали все, что хотели, и «порою игнорировали самые элементарные статьи законов»²³.

Английские путешественники говорят не только о беззаконии в государстве, но и о бесправию местных городских властей. Так, со слов Э. Терри мы знаем, что падишах в целях ограничения влияния правителей на местах не позволял наместникам долго оставаться на одном месте, чтобы избежать приобретения популярности, и обычно они ежегодно перемещались с места на место²⁴. Ф. Бернье объяснял отсутствие в Могольской империи крепких и крупных землевладельцев тем, что им не была гарантирована сохранность их владений. По словам путешественника, неотъемлемой частью их жизни было беспокойство о том, чтобы у «короля» не изменилось настроение и отношение к ним. Для могольского «омраха»²⁵, как пишет французский путешественник, «улыбка короля предвещала жизнь и благополучие, а его недовольство влекло за собой если не смерть, то разорение»²⁶. Ф. Бернье неоднократно подчеркивает в своих записках, что отсутствие частной собственности на землю непременно влечет за

собой такие последствия, как тирания, несправедливость, нищету и варварство, поскольку, когда землю прекращают обрабатывать, она превращается в унылую пустыню, что, по его словам, является прямой дорогой к разорению королей и краху народов.

Европейские путешественники писали о «странном» способе получения титулов в Могольской империи. Ф. Бернье отмечал, что он не зависел от обладания землей. У. Хоукинсу также показалось «необычной» социальная иерархия в Могольской империи, которая носила военный характер. Он пишет, что в отличие от «христианского мира, где титулы принцев, герцогов, маркизов, графов говорили о знатном роде их обладателей, моголы определяли их по количеству лошадей, которые были в их распоряжении»²⁷. У. Хоукинс попытался разобраться в титульной системе Могольской империи и пришел к заключению, что самые высокопоставленные особы, кому «король» благоволил, «удостаивались чести» называться «ханами». «Султанами» могли быть лишь сыновья падишаха, которые командовали самыми большими войсками из 12 тысяч всадников, а «эмирами» – сыновья его брата. Титул «хана» У. Хоукинс считал эквивалентным европейскому титулу «герцог», хотя в Персии он по важности соответствовал «графу» или «князю» в Европе²⁸. Попытки У. Хоукинса разобраться в этом вопросе, вероятно, вызваны двумя причинами. Во-первых, представлялось очень важным и полезным выяснить, к кому же обращаться за поддержкой в коммерческих делах англичан, поскольку, как оказалось, в городах было несколько правителей. Во-вторых, падишах предложил У. Хоукинсу остаться при его дворе, даровав ему имя «инглес хан», что сам англичанин перевел как «английский лорд». Путешественник принял предложение «императора» с мыслью, как он пишет, что «это будет на благо его отечеству»²⁹. Не последнюю роль сыграло королевское «жалование», составлявшее 4200 стерлингов в год, что соответствовало оплате командующего 400 всадников, и обещание, что оно будет расти ежегодно.

По словам английского посланника ко двору Джахангира Т. Роу, чиновники-военачальники, назначенные из центра и управлявшие могольскими провинциями и городами, были важнее особ королевской крови. Он пишет, что у «принцев» были лишь их «королевское имя и богатство», а заправляли всем военные³⁰. Эти слова путешественника, хотя и свидетельствуют о непонимании им природы могольской власти, показывают, что могольский город с его мощными крепостными стенами воспринимался англичанами как «военный лагерь», единственной целью которого было усиление правящего режима путем укрепления военной мощи.

В глазах путешественников хорошо укрепленные города были символом сильной власти восточных правителей, от которых зависели не

только судьбы подданных, но и самих городов. С этой же целью они часто писали об огромных размерах восточных армий, как о признаке могущества восточного правителя и как об инструменте, с помощью которого этот тиран-деспот мог навязать подданным свои самые разные желания. Английские путешественники отмечали, что восточные правители командовали армиями, которые были намного больше (но не лучше), чем у европейских монархов. Восточная армия была не только инструментом для расширения владений правителя, удовлетворяя его непомерные аппетиты в богатстве и «жажде крови», она была призвана держать в подчинении его подданных. Это основывалось на убеждении европейцев в том, что отношения между правителями-«тиранами» и подданными строились на страхе, а не на любви и обожании, как казалось на первый взгляд.

Так, власть правителя Пегу, которая распространялась и на соседние государства, в представлении английских путешественников обеспечивалась его исключительной силой и военной мощью. Р. Фитч был впечатлен огромной армией короля, который в то время отправлялся войной на Аютию в Сиаме. Королевское войско, состоявшее из 5 тысяч слонов, кожа которых «настолько толстая, что является непроницаемой для пуль мушкетов», и 300 тысяч человек, было практически непобедимым и опасным для соседей³¹. Однако Фитч видел многие недостатки военной организации бирманцев и считал, что они не устояли бы перед европейцами. По его оценкам, войско короля Пегу не могло представлять серьезной опасности для европейцев, поскольку «оружие у них очень плохое, их мечи короткие с тупым лезвием», а «из аркебузов плохо стреляют»³².

При всех недостатках, которые английские путешественники приписывали «деспотичному» восточному правлению и которые неминуемо, по их словам, вели страну к упадку, они смогли увидеть положительные моменты в управлении государством. С одной стороны, Т. Роу ничуть не сомневался в том, что Могольская империя в скором будущем будет разорвана на куски из-за обременительной и неконтролируемой власти падишаха и будет охвачена беспорядками³³. В то же время он одобрял инициативу «Великого Могола» принимать участие в решении различных государственных дел, чтобы быть в курсе всего, что происходит в его владениях. По словам английского посла, оставившего описание распорядка дня Джахангира, ежедневно в 8 часов вечера, после ужина падишах вместе с самыми знатными лицами государства обсуждает государственные вопросы, принимает решения по разным делам, которые регистрируются присутствующим здесь секретарем³⁴. Для английского посла важным представляется то, что «любой человек, кому интересно, за два шиллинга может посмотреть этот официальный список»³⁵. Таким образом, отмечает он, простые люди при желании могли

знать о государственных делах столько же, сколько советники падишаха. Кроме того, ежедневная информация о действиях короля и его резолюциях распространялась в качестве новостей, и любой человек, даже мошенник, мог ее свободно обсуждать и даже критиковать. С трудом верится, что эти слова в адрес могольской центральной власти принадлежали высокомерному Т. Роу, который постоянно указывал на недостатки могольского правления. Вероятно, в такой трактовке восточной власти нашли отражения фобии и предпочтения самого Роу, поскольку в «Чужом» видят то, чего не достает или не допущено у себя. Тем не менее английскому путешественнику удалось увидеть, что восточный правитель не мог действовать только по своей прихоти. Мусульманский правитель никогда не ставил под сомнение правила, сложившиеся с давних пор, и был связан нормами и условностями, регулирующими его поведение. Т. Роу пишет, что такой распорядок дня падишаха могли нарушить лишь болезнь «короля» или пребывание его в состоянии опьянения, что всегда предавалось огласке. Это позволило Роу сделать вывод о том, что не только все поданные падишаха были рабами, сам он также зависел от них, что было связано с соблюдением этого распорядка. В противном случае люди, не увидев однажды в окне своего короля и не получив «толкового» объяснения причины его отсутствия, подняли бы мятеж³⁶.

В Европе, обеспокоенной вопросами о формах государственного правления, не только образ Могольской империи неразрывно связывался с восточной тиранией и правителем-деспотом, подчинившим себе все и всех в своем владении. В записках английских путешественников встречаются негативные определения и эпитеты в отношении властных структур других восточных государств.

В описаниях индийских государств английские путешественники развивают мысль о том, что чем богаче восточный правитель, тем он могущественнее. Богатством, в представлении английских путешественников, было «все то, что необходимо для потребления и удовольствия – красивые города, сильные крепости, приятные поля и лучшие минералы, множество рек, которые улучшают землю, которая дает зерно, скот, фрукты»³⁷. Обладание богатством и властью, по словам европейцев, позволяло восточному правителю относиться с презрением к своим соседям. Так, Малабар воспринимается Т. Гербертом как «богатая и известная часть Индии», которая находится в подчинении «Великого Самарина» (по аналогии с «Великим Моголом» или «Великим Туркой». – О.К.). Мало того, что он, по словам англичанина, ходит голым, т.е. одет «не поцивилизованному», его управление и поведение также далеки от идеала в их представлении. На страницах рассказа Герберта «Великий Самарин» предстает в образе «высокомерного тирана»³⁸.

Говоря об отношениях между центральной и местной властями в этом «королевстве», он изумлялся покорностью местной «аристократии», которая позволяла «королю» обращаться с собой, как с рабами. Герберт пишет, что представители знати «добровольно терпели вольности деспота», что самому англичанину казалось недопустимым обращением, «противным природе»³⁹. Однако, как подчеркивает Герберт, со своими подчиненными они обращались точно так же, как «Самарин» с ними, тем самым копируя его поведение.

Кроме «Великого Могола» и «Великого Самарина» английские путешественники упоминали и других индийских правителей, которые, на их взгляд, могли называться влиятельными и могущественными. По словам Герберта, любого индийского «короля» можно считать «значительным» монархом, поскольку все они очень богаты⁴⁰.

Правители индонезийских государств мало чем отличались от индийских монархов. По словам Джона Дэвиса, главным «законом» «королевства» Ачех было желание султана. Он пишет, что в его владениях невозможно было найти ни одного вольного человека, поскольку «жизнь и собственность каждого человека находились во власти короля»⁴¹. Султан, по сведениям Дэвиса, управлял своим королевством с помощью 5 главных министров и 4 «субадаров». «Субадаром» англичане называли главного чиновника таможенной службы портового города, о котором также писали, как о «короле» порта. Эти главные государственные лица, как отмечал Дэвис, располагали собственными чиновничьими аппаратами и обладали всеми властными полномочиями⁴².

Власть в приморских городах (а англичане путешествовали и основывали свои фактории именно здесь) принадлежала наместнику, обычно связанному родственными узами с семьей верховного правителя и высшей аристократической верхушкой. Однако рассказ Д. Дэвиса об истории Ачеха и жизни султана «Аладдина»⁴³ свидетельствует о том, что даже простой рыбак мог стать «королем». Отличившийся храбростью и сообразительностью на войне командующий королевскими галерами «Аладдин», который до этого занимался ловлей рыбы, как и многие местные юноши, заслужил покровительство предыдущего «короля» и был назначен «адмиралом»⁴⁴. Вскоре, по сведениям Дэвиса, он стал командовать не только морскими, но и всеми сухопутными силами Ачеха. Кроме того, «Аладдин» получил в жены ближайшую родственницу «королевы». После внезапной смерти «старого короля», несмотря на возражения знати, он стал опекуном маленького наследника, который был сыном его единственной дочери. Однако впоследствии в рассказе путешественника «Аладдин», который казнил более тысячи вельмож, убил наследника и провозгласил себя правителем Ачеха, из героя превратился в алчного и кровожадного «зверя»⁴⁵.

Вместе с ним к власти, по словам англичанина, пришли «мошенники». Таким образом, в восприятии Дэвиса «Аладдин» предстает деспотом, который ради собственной выгоды и безопасности насильно с помощью подчиненных ему военных сил установил режим террора и издал «новые законы». Дэвис пишет: «Он силой держит королевство 20 лет, и нет угрозы для незаконно захваченной им власти»⁴⁶.

В глазах английских путешественников власть в Бантаме практически ничем не отличалась от власти в Ачехе. По словам Э. Скота, вся власть здесь сосредотачивалась в руках «абсолютного» монарха, полномочия которого ничем не ограничивались, и распространялась на весь остров. В его представлении власть была тиранической, и поэтому несправедливой⁴⁷. Кроме того, чтобы эта власть выглядела по-настоящему восточной, он пишет, что «люди, стоящие у власти – большие взяточники»⁴⁸.

Письма первого в Японии англичанина У. Адамса, в которых он восторженно отзывается о японцах и государственном управлении этой страной, на первый взгляд могут показаться странными, поскольку европейцу не свойственно такое «дружелюбное» отношению к «варварской» стране. Роберт Маклей в своей статье утверждает, что, изображая в письме Японию как идеального потенциального торгового партнера, У. Адамс, пытался «завлечь» англичан на остров для своего спасения⁴⁹. По его словам, У. Адамс, многие годы служивший советником при дворе Токугавы Иэясу, хотел вернуться на родину. В его описании японцы «добродушны, чрезмерно учтивы и отважны в бою, строго исполняют законы»⁵⁰. Что касается управления государством, то англичанин признает его безупречным. В письме к жене он писал, что «ни в одной стране мира не найти лучшего управления государством», и признавал это правление «цивилизованным»⁵¹. Его слова находят подтверждение и в отзывах о своем пребывании в Японии другого английского путешественника Артура Хатча. Он отдает должное ее правлению и признает, что в этом отношении она «может выдержать сравнение со многими, если не большинством в Христианском мире»⁵². Далее А. Хатч продолжает, что, несмотря на то, что у «императора всего пять личных советников», государство управляется «мудро, искусно и осмотрительно», чтобы «предотвратить государственные измены и восстания, соблюсти закон и сохранить мир и спокойствие»⁵³. Тем самым А. Хатч признавал сильную власть токугавского правителя. Следует заметить, что, как правило, европейские путешественники, английские в их числе, в текстах о Японии «императором», реже «королем», называли сёгуна. Чаще всего «королями» они считали владетельных князей – даймё, а провинции, которыми они управляли, – королевствами. Так, в письме Хатча «императором», управляющим Японией, именуется сёгун Токугава Хидэада, сын Токугава Иэясу⁵⁴.

В сочинениях английских путешественников Япония изображается страной, где все подчинено «императору» и закону. Англичанам, занятым поисками деловых контактов и налаживанием торговых связей, было некогда постигать духовный мир японцев, их культуру и религию. Это не входило в их задачи. Поэтому порядок, как в общественной, так и в частной сфере жизни местного населения они считали заслугой умелого правления.

Каковы были взаимоотношения между центральной и местной властями в Японии в представлении англичан? Желая дать более наглядное представление о системе жесткого контроля правительства над даймё, А. Хатч образно сравнивал «императора» с морем, а «принцев» – с реками. Он говорит: «В отличие от рек, несущих свои воды в море в благодарность за то, что берут их оттуда, принцы ничего не получают от императора, отдавая ему все, что имеют»⁵⁵. Англичанин удивлялся, наблюдая, как «принцы» лишались всего, отдавая «императору» золото, серебро, драгоценности и редкие товары, а получая в благодарность от него гусиное перо или кимано. Более того, они соревновались между собой в том, у кого лучше и ценнее подарок, как символом их преданности правителю. А Хатч объясняет это «мудростью» «императора», который таким образом препятствовал знатым людям богатеть и становиться достаточно сильными, чтобы восстать против него. Несомненно, англичанам при первой встрече с японской культурой было не под силу разобраться в ее основополагающих принципах и этических и религиозных традициях японцев. Согласно конфуцианской теории государства, преданность и доверие подданных к правителю ведут к укреплению государства и позволяют успешно управлять им. Англичане, удивляясь японцам, настроения которых превалировали в пользу централизованного государства и верховного правителя, причем в ущерб своим собственным, видели в этом лишь заслугу сильного и властного правления. С той же целью, по словам А. Хатча, увеличивались налоги на строительство крепостей, ремонт фортификационных сооружений. Р. Кокс также сообщал, что стал свидетелем того, как «управляющий» «старого короля» Семидоно с подчиненными проехал по городу Хирадо, чтобы «оценить все дома с целью обложения налогом на строительство замков, что предписывалось императорским указом»⁵⁶. Централизации и усилению власти способствовала система заложничества⁵⁷, согласно которой «принц» должен попеременно жить в своем владении и при дворе императора⁵⁸. В такой строгой зависимости князей от правителя англичанин видел гарантию спокойствия и порядка в стране.

В письме от 10 декабря 1610 г., адресованном лорду Солсбери, Кокс оценивал правление Японии как «самую большую и сильную тиранию, о которой когда-либо слышали в мире»⁵⁹. Право суда над даймё, так же как над остальными «рабами»,

было полностью в руках «великого военачальника». Кокс говорил, что малейшего подозрения или испорченного настроения «императора» было достаточно, чтобы наложить на неугодных наказание – смертную казнь посредством хакари и уничтожения рода провинившегося даймё⁶⁰.

Иллюстрацией абсолютной и деспотичной власти сёгуна в глазах англичан служит инцидент, описанный в письме от 22 мая 1616 г. английским торговым агентом в Мияко Ричардом Уикхэмом. Сёгун Иэясу приказал казнить своего врача, поскольку тот не мог вылечить его. Врач осмелился назвать «императора» настолько «старым», что «лекарство не могло действовать на его тело столь же эффективно, как на молодое»⁶¹. Однако, надо отметить, что вскоре умер и сам Иэясу, несмотря на сравнительно хорошее здоровье, по утверждениям Уикхэма, 74-летнего правителя.

Япония отличалась от других восточных стран тем, что брать «взятки» было привилегией «императора». Джон Сэрис был очень удивлен, когда один высокопоставленный чиновник при дворе сёгуна, опасаясь за свою жизнь, отказался принять от него подарок. Он, «от всего сердца» поблагодарив англичанина, ответил, что, приняв подарок, он бы нарушил приказ сёгуна и распрощался бы с жизнью. Однако в удаленных провинциях местные правители – даймё не отказывались от подарков, как своих подданных, так и от иностранных путешественников.

Если правители восточных городов и провинций, по словам английских путешественников, находились под полным контролем центральной власти и не были застрахованы от произвола со стороны верховного правителя, что уж говорить об обычных обитателях восточных городов, которые были совершенно бесправны как перед верховной властью, так и перед местной.

Англичане были ослеплены богатством и роскошью восточных городов, изобилием всевозможных ценных товаров высокого качества. Однако от глаза самых внимательных путешественников не скрылось то, что богатства и сокровища находятся в хранилищах восточных правителей и его приближенных. Путешественники отмечали, что в восточных городах не существовало особого имущественного или процессуального права, которым располагали горожане. Это, по словам У. Хоукинса, позволяло восточным правителям присваивать личное имущество своих подданных после их смерти. Он рассказывал, что видел, как после смерти одного «знатного сеньора или принца из язычников» Раджи Гаджината все его личное имущество, в том числе драгоценности, серебро и золото, перешло «Великому Моголу»⁶².

Восточный правитель был не только владельцем земли и главным вершителем судеб своих подчиненных, но и через своих ставленников, будь-то в провинциях или городах, вмешивался в такие сферы жизни города, которых европейцы и не могли представить. В условиях строгого го-

сударственного контроля велась как внутренняя, так и внешняя торговля. Э. Терри пишет, что могольский правитель был монополистом денежных средств и драгоценных камней, которые также должны были символизировать его богатство. По его сведениям, в казну падишаха «ежегодно из Европы перетекает большое количество денег, серебра, которые там и остаются» и преумножают его бесчисленные сокровища⁶³. Ведь по «законам» страны можно было только ввозить серебро, а вывозить купленные на него товары. Человек, нарушивший этот «закон», объявлялся преступником и приговаривался к смерти.

Упорядочению административно-налоговой системы и централизации власти способствовала и реформа Акбара, вводившая во всей империи единую систему денежных знаков – рупии и мохура – с твердым содержанием серебра и золота. Э. Терри не случайно оставил подробное описание денежной системы Могольской империи, связывая ее с могуществом «Великого Могола» и называя его самым великим из известным монархов Востока. Он отмечал, что деньги играли не только экономическую, но и символическую роль. Э. Терри пишет: «Каждая монета или слиток, который прибывал в эту страну, расплавляется и очищается от примесей, на них ставится клеймо Могола с его именем и его титулом, написанными на персидском»⁶⁴. Тем самым не только поданные «Великого Могола», но и иностранцы, прибывавшие в страну, должны были признать над собой его власть, хотели они этого или нет. Причем по качеству местные монеты превосходили европейские. По словам Терри, они были сделаны из более чистого серебра, чем те, которые он видел до этого. Даже испанский пиастр, который считался в Европе самой чистой монетой, проигрывал индийским деньгам в этом отношении.

По сведениям Альберта де Мандельсо, внешняя торговля находилась под строгим контролем чиновников, назначенных лично падишахом. Во избежание опустошения казны под страхом смерти нельзя вывозить за пределы империи местные деньги. Ни ремесленник, ни торговец не может расплатиться по долгам с иностранными купцами местными деньгами. Несмотря на то, что ремесленники и торговцы создавали богатства городов, и эти богатства давали много налогов правителю и его приближенным, по словам А. Мандельсо, они переживали трудные времена. Он сочувствует торговцу, которому из-за невыносимого притеснения со стороны мусульманских правителей, чтобы хоть что-нибудь сохранить, остается лишь «притвориться, что у него ничего нет»⁶⁵. У. Хоукинс рассказывает историю о том, как один индус-торговец приобрел крупный алмаз за тысячу рупий и попытался скрыть его. Падишах, возмущенный столь дерзким поступком, поскольку лишь он может владеть «самыми прекрасными камнями», решил сурово его наказать. По «неписанным законам» империи каждого, кто решится приобрести камень более

пяти каратов, не показав его падишаху, ожидала смерть. Этого ювелира спасло лишь предупреждение, и ему пришлось преподнести алмаз в подарок правителю⁶⁶.

В провинциях и городах, которые были элементами максимально централизованной системы управления, местные правители, на их взгляд, копировали своего «владыку всего сущего». Показательны в этом случае слова правителя Ахмадабада перед посольством из Гольштейна. По его словам, местные правители должны были вести себя в своих владениях так же, как и могольский падишах. Он пишет: «Страх заставляет подавлять нас постыдные поступки. Если бы я поступал по-другому, я бы не был больше хозяином Ахмадабада»⁶⁷. Местные правители, по рассказам европейских путешественников, не стеснялись грабить разные слои городского сословия – лавочников, торговцев-разносчиков, базарных маклеров. Не были застрахованы от произвола местных властей и более состоятельные торговцы и ростовщики. Европейцы свидетельствовали о том, что «баниа или другой купец не может стать по-настоящему богатым, если не заручится поддержкой кого-либо из знати, иначе ему грозит разорение. Ибо губернатор или эмир не успокоится до тех пор, пока все сокровища, все имущество купца не окажутся в его собственных карманах и пока несчастный не будет разорен до нитки»⁶⁸.

Питер Манди рассказал о «жестоком» и «алчном тиране» – правителе Ахмадабада Абдулле Хане, который, по его словам, больше подходил для борьбы с ворами и мятежниками, чем для правления в мирное время⁶⁹. По словам англичанина, еще по прибытию его в город чиновник таможенной службы Баба Бег посоветовал ему быть осторожным, поскольку «его Хозяин был плохим человеком, которого ничто не волновало, даже сам Король»⁷⁰. П. Манди с возмущением отмечал, что жадность Абдулла Хана не знает пределов. При нем в городе было столько таможенников, что «бедные женщины, продававшие молоко в разных местах улиц, вынуждены были платить пошлину за это»⁷¹. Даже «самые главные торговцы города», как он пишет, «решили покинуть это место до тех пор, пока он не переедет отсюда, опасаясь, что он найдет повод развязать с ними ссору»⁷².

Подводя итог сказанному, хочется отметить, что наблюдения английских путешественников о политической жизни восточного города, оставленные в их записках, были продиктованы не простым любопытством. Уверенность англичан в том, что собственная культура и образ жизни являются более совершенными, чем все остальные, во многом была установкой, которая побуждала их определенным образом видеть «чужую» действительность, замечать в первую очередь те или иные черты. Из большого числа различных фактов и явлений они отбирали лишь определенные и известным образом толковали.

Европейские путешественники не случайно проявили интерес к взаимоотношениям центральной и местной власти в восточных странах. В самих европейских странах оставалось немало проблем между монархией и высшей знатью. В Англии для центральной власти оказалось весьма нелегким делом контролировать отдельных чиновников и заставлять их действовать в рамках закона, и было практически невозможно эффективно реализовать политику, противоречащую интересам королевского чиновничества или соответствовавшего ему сословия⁷³.

В восточных странах путешественники увидели единственного хозяина в лице верховного правителя. Его власть была безграничной и вездесущей. Но самое главное, по оценкам европейцев, она была «несправедливой» и «недостойной». Причем в возникновении этого негативного стереотипа решающую роль сыграли отношения между самими англичанами и государственной властью. В своих записках путешественники часто ругали восточные власти за то, что в условиях отсутствия «писаных законов» им не была гарантирована свободная торговля и безопасность. Как они смогли убедиться, правитель мог дать слово, а мог и забрать, в зависимости от настроения и каприза.

В целом восточные страны воспринимались европейскими путешественниками как тоталитарные военизированные государства с деспотической властью, где нет понятия личной свободы, где все подданные – рабы султана или падишаха. Восточные города в их восприятии были местом концентрации государственной «бюрократической» власти, представленной наместниками верховного правителя, где отсутствовали какие-либо намеки на автономию, не говоря уже о каких-либо правах горожан. Путешественники предпочитали писать о деспотичной форме правления, отсутствии свободы, безопасности и частной собственности, что позволяло европейцам в раннее Новое время заявить о своем превосходстве над самыми мощными и внушительными неевропейскими цивилизациями. На фоне всех недостатков, которыми европейцы наделили восточную власть в своем восприятии, можно было с большей уверенностью утвердить свой собственный положительный образ. В представлении путешественников восточные страны не могли конкурировать с Европой с ее правами частной собственности, экономически независимыми городами и законами, одинаковыми для всех слоев общества, что в их представлении было выгодно как для государства, так и для его населения.

В первые десятилетия пребывания англичан в восточных странах, когда происходило формирование доколониального представления о новых культурах, очень часто «чужая» культура оформлялась посредством репрезентации ее правителя. Подобная практика была призвана, чтобы гомоген-

низировать и упростить «чужую» культуру, делая ее легко познаваемой и, таким образом, принижая ее значение по сравнению со своей собственной. В записках путешественников верховный правитель любой восточной страны становился объектом рассуждений об экзотике, жестокости, чувственности, нравственности «чужой» культуры. Идентифицируя власть суверена с государственной властью, европейцы представляли ее через свое отношение к восточным правителям. Поэтому «тираническая власть» в их восприятии зачастую сводилась к нравственной оценке восточных правителей, которые становились персонификацией произвола и своеволия.

Бесспорно, записки английских путешественников рубежа XVI–XVII вв. далеки от систематического знания о Востоке и больше говорят о самих авторах, чем о наблюдаемом мире. Можно сказать, что английские наблюдатели видели не столько то, что там было, сколько то, что предполагали и хотели увидеть. Подавляющее большинство путешественников сильно преувеличивали власть верховного правителя. Восточный правитель, прежде всего представитель мусульманской власти, не мог действовать только по своей прихоти, не мог преступить рамок коранического закона, шариата. Он никогда не ставил под сомнение правила, сложившиеся с давних пор, и был связан нормами и условиями, регулируемыми его поведением. Он должен был воплощать собой достоинство, справедливость и щедрость, защищать подданных от произвола чиновников, начиная с его собственных наместников. Лишь немногие из путешественников смогли заметить это.

Тем не менее формирование представлений англичан о восточной власти было подчинено сложному механизму восприятия «чужого» пространства. Как и всякое первое знакомство с чем-то новым и одновременно «чужим», восприятие властных отношений сводилось к поверхностно-обобщенным суждениям, за которыми следовало их упрощение и сведение к сопоставлению со *своими* идеалами, поскольку Запад в представлении европейцев воплощал высший уровень достижений человеческой культуры, оцениваемый по критериям нравственной свободы⁷⁴.

Не осталось незамеченным европейцами и то, что обогащение отдельных людей не приводило к обогащению общества в целом. В связи с этим восточный город воспринимался ими как резиденция чиновников и больших господ, описанию которой отводилось куда больше места, чем быту ремесленников и другому простому люду.

В записках путешественников принцип построения взаимоотношений центральной и местной властей в других восточных странах мало чем отличался от такового в Могольской империи. Чиновники на местах в их представлении находились во власти верховного правителя и не способны были составить противовес всемогущей власти последнего, которая подкре-

плялась несметными богатствами и военным могуществом. Интересно замечание Дж. Дэвиса о том, что личная заслуга человека перед правителем Ачеха сопровождалась изменением его социального статуса. Здесь даже простой рыбак мог «дослужиться» до «короля».

Немного иначе в записках английских путешественников выглядит Япония. Дух зависимости и подчинения японского общества с его бюрократически-военной и семейной иерархией был чужд англичанину, главным обязательством которого было лишь обязательство перед Богом⁷⁵. Он легко находил доказательства «варварского» восточного характера ее правления. Был деспот-правитель, отсутствие личных свобод и гарантий защиты подданных. В их поведении смешались любовь, верность и страх по отношению к своим правителям, что казалось противоестественным европейцу. Однако в качестве отдельного личного мнения в записках нередко высказывается мысль о превосходстве японцев над европейцами в некоторых сферах. У. Адамс и А. Хатч с восхищением отзывались о системе управления государственными делами и поддержанием общественного порядка в стране. Они допускали, что сильная власть могла быть гарантом мира и спокойствия. В большинстве рассказов европейских путешественников граница между сильным и центральным правителем и тираном стиралась.

Как видим, для европейских путешественников не характерен взгляд на восточный город как на общину со своей социальной и политической жизнью. И можно было бы упрекнуть их в том, что созданный ими образ восточного города имел мало общего с подлинником. Однако они разглядели главную идею восточного города – город как символ власти. Не случайно из военно-политических соображений и по прихоти правителя столица Могольской империи часто перекочевывала с одного места. В стране многие города могли выполнять функции идеальной столицы и соответствовать имперским устремлениям правителя. Города в представлении европейских путешественников были продолжением центральной власти, были приспособлены к нуждам верховного правителя и элиты, представляющей его. Возможно, то малое внимание, которое путешественники уделяли в своих записках собственно городским властным структурам, можно объяснить тем, что они не увидели четкого определения прав и обязанностей во взаимоотношениях элиты общества с властью и разделения властей.

Так или иначе, английский путешественник как гражданин своей страны и продукт определенной политической системы был не готов переступить через свои собственные политические симпатии и убеждения, что закрывало для него путь к пониманию совершенно «чужого» для него типа социальной организации восточного общества.

Противопоставление сформировавшейся в Европе цивилизации «варварским» неевропейским обществам, подчеркивание ее отличительности, по словам А.В. Гордона, имели два аспекта – «самопознания новой цивилизации и ее самовоспитания»⁷⁶. Позднее односторонне обобщавшие просветителями наблюдения европейских путешественников о положении в странах Востока будут служить лучшим «пособием для воспитания в Европе ненависти к деспотическому правлению»⁷⁷.

Примечания

- 1 Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., 2004. С. 205.
- 2 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М., 1986. С. 510.
- 3 Замятин Д.Н. Географические образы путешествий // Человек. 2001. № 6. С. 132.
- 4 См.: Markley R. Riches, power, trade and religion: the Far East and the English imagination, 1600 – 1720 // Renaissance Studies. 2003. Vol. 17. № 3. P. 495.
- 5 Wright A. Early English adventures in the East. L., 1917. P. 133–135.
- 6 См.: Lach D.F., Van Kley E.J. Asia in the making of Europe. Vol. 3. Book 1. A Century of Advance. Chicago, 1993. P. 564.
- 7 См.: Фурсов К.А. Держава – купец: отношения английской Ост-Индской Компании с английским государством и индийскими патримониями. М., 2006. С. 87.
- 8 The second voyage of Captain Walter Peyton into the East-Indies... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. / Ed. by Samuel Purchas. L., 1625. Part 1. Book 4. P. 530.
- 9 Observations collected out of the Journall of Sir Thomas Roe... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes / Ed. by Samuel Purchas. L., 1625. Part 1. Book 4. P. 547.
- 10 См.: Кёнигсбергер Г.Г. Европа раннего нового времени, 1500–1789 / Пер. с англ., послесл. Д.Э. Харитоновича. М., 2006. С. 46.
- 11 См.: Aune M.G. Elephants, Englishmen and India: Early Modern Travel Writing and the Pre-Colonial Movement // Early Modern Literary Studies. 2005. 11.1 (May). P. 15.
- 12 Lach D.F., Van Kley E.J. Op. cit. P. 564.
- 13 См.: Journal of Sir Thomas Roe, Ambassador from King James I, to Shah Jehanguiro, Mogul Emperor of Hindoostan // A General History and Collection of Voyages and Travels / Ed. by Robert Kerr. L., 1824. Vol. IX. P. 134.
- 14 Captaine William Hawkins, his relations of the occurrences which happened in the time of his residence in India... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 3. P. 206.
- 15 Мутасадди (араб.) – могольский администратор (в Сурате – начальник порта).
- 16 Назим (араб.) – могольский чиновник в Субе, осуществляющий «низамат» – военное наместничество, уголовную юрисдикцию и полицейские функции. Шахзада Хуррам – будущий Шах Джахан, в качестве назима правивший Гуджаратом как полунезависимый князь. Хуррам не мог быть «вицекоролем» Декана во времена путешествия У. Хоукинса, поскольку Джахангир лишь начал войны в Декане. Декан подчинился Моголам во времена правления Шах Джахана.
- 17 См.: Captaine William Hawkins, his relations... P. 206.
- 18 См.: Observations collected out of the journal of Sir Thomas Roe... P. 548.
- 19 Bernier F. Travels in the Mogul Empire. London, 1826. Vol. 1. P. 268.
- 20 См.: A relation of a voyage to the Eastern India. Observed by of Edward Terry... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 9. P. 1480.
- 21 Ibid.
- 22 См.: European travelers in India during the fifteenth, sixteenth and seventeenth centuries... / Ed. by Farley Oaten. Cambridge, 1909. P. 177.
- 23 Ibid.
- 24 См.: A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P. 1480.
- 25 Представитель военной знати. По словам Терри, «омрах» переводится как «капитан».
- 26 Bernier F. Op. cit. P. 5.
- 27 Captaine William Hawkins, his relations... P. 216.
- 28 Ibid.
- 29 Ibid. P. 210.
- 30 Observations collected out of the journal of Sir Thomas Roe... P. 540.
- 31 The voyage of Mr. Ralph Fitch... // The principall navigations, voyages, and discoveries of the English nation / Ed. by Richard Hakluyt. L., 1599. Vol. 2. P. 260.
- 32 Ibid. P. 259.
- 33 См.: Journal of Sir Thomas Roe... P. 133.
- 34 См.: Observations collected out of the journal of Sir Thomas Roe... P. 542.
- 35 Ibid.
- 36 Ibid.
- 37 Sir Thomas Herbert Baronet, his travels, begun in 1626, into divers parts of Africa and Asia Major and in India... // Navigantium atque itinerantium bibliotheca, or, a compleat Collection of voyages and travels... / Ed. by Harris Jonh. L., 1705. Vol. II. P. 460.
- 38 Ibid. P. 458.
- 39 Ibid.
- 40 Ibid. P. 460.
- 41 The voyage of Captain John Davis, to the Easterne India, Pilot in a Dutch Ship, written by himself // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes / Ed. by Samuel Purchas. L., 1625. Part 1. Book 3. P. 122.
- 42 Ibid.
- 43 Султан Ала-уд-дин Рийят.
- 44 The voyage of Captain John Davis... P. 124.
- 45 Ibid. P. 122.
- 46 Ibid.
- 47 См.: A Discourse of Java, and of the first English Factory there, with divers Indian, English, and Dutch Occurrences;

- written by Mr. Edmund Scot, containing a History of Things done from the 11th February, 1602, till the 6th October, 1605, abbreviated // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 3. P. 165.
- 48 Ibid. P.166.
- 49 См.: Markley R. Op. cit. P. 512.
- 50 A Letter of William Adams to his wife from Japan // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 3. P. 129.
- 51 Ibid.
- 52 A letter touching Japon whirh the government, affaires and later occurrents there writing to me by master Arhtur Hatch // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 10. P. 1701.
- 53 Ibid.
- 54 Ibid.
- 55 Ibid.
- 56 Relation of master Richard Cocks cape merchant... are added divers Letters of his and others // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 4. P. 396.
- 57 Система заложничества «санкин котай», в соответствии с которой даймё мог один год жить у себя в замке, а следующий (в обязательном порядке) в столице сёгуна. Семья оставалась на постоянное жительство в Эдо, составляя живой залог в руках сёгуна.
- 58 A letter touching Japon...by master Arthur Hatch... P. 1701.
- 59 They come to Japan of European Reports on Japan, 1543–1640 / Ed. by Michael Cooper. L., 1965. P. 57–58.
- 60 Ibid.
- 61 Cocks R. The Diary of Richard Cocks / Ed. by Naojiro Murakami. Tokyo, 1899. Vol. 2. P. 278–279.
- 62 Captaine William Hawkins, his relations... P. 218.
- 63 См.: A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P. 1471
- 64 Ibid.
- 65 European travelers in India during the fifteenth, sixteenth and seventeenth centuries... P. 181.
- 66 См.: Captaine William Hawkins, his relations... P. 223.
- 67 European travelers in India during the fifteenth, sixteenth and seventeenth centuries... P. 177.
- 68 См.: Аурафян К.З. Средневековый город Индии XII – середины XVIII века. М., 1983. С. 59.
- 69 См.: The travels of Peter Mundy in Asia (1625–34) // Amazons, Savages, and Machiavels: Travel and colonial Writing in English, 1550 – 1630. An Anthology / Ed. by Andrew Hadfield. Oxford, 2002. P. 233.
- 70 Ibid. P. 234.
- 71 Ibid.
- 72 Ibid.
- 73 См.: Кёнигсбергер Г.Г. Указ. соч. С. 48.
- 74 См.: Steadman J.M. The Myth of Asia. N.Y., 1969. P. 26.
- 75 См.: Мецзяков А.Н. Восток-Запад. «Христианское столетие» в Японии: проблема культурного отторжения // Восток. 1993. № 5. С. 47.
- 76 Гордон А.В. Цивилизация Нового времени между мир-культурой и культурным ареалом (Европа и Азия в XVII–XX вв.): Науч.-аналит. обзор. М., 1998. С. 55.
- 77 Никуфоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1975. С. 29.

УДК 32.019.51(73) «46/50»

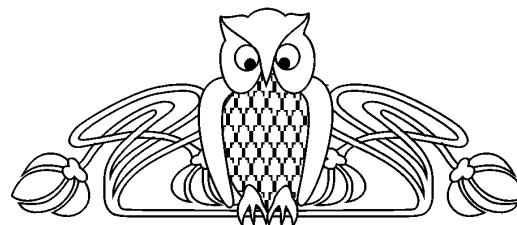
ИНФОРМАЦИОННЫЕ КАМПАНИИ 1946–1950 ГОДОВ В США

Н.Н. Бонцевич

Саратовский государственный университет,
кафедра истории государства и права
E-mail: bontsevitch@yahoo.com

В статье¹ поднимается спорная проблема американской историографии о влиянии общественного мнения в Америке на процесс принятия государственно важных решений в сфере внешней политики. На примере информационных кампаний, организованных управлением по связям с общественностью госдепартамента США, в правление президента Трумэна показано стремление правящей администрации держать общественное мнение под контролем и через формирование позитивного представления о внешнеполитических целях и действиях США на международной арене добиваться внутриполитического консенсуса.

Ключевые слова: информационная кампания, внешняя политика США, общественное мнение, управление по связям с общественностью госдепартамента США, план Маршалла, совет по рекламе.

American Domestic Information Campaigns, 1946–1950

N.N. Bontsevich

One of the controversial issues in the American cold war studies still remains problem of public opinion importance for the government in its foreign policies making. Historians try to seek answer on the question: was it really so important for the American government to have people's support of its foreign policy or it was just trying to have good image of themselves in public opinion, or may be something else? The author of this article makes an attempt to answer this question through domestic information campaigns of 1946-1950 analysis. Documents from the subject files of the Office of the Assistant Secretary of State for Public Affairs, Files of director of Public Affairs for the Department of State Francis H. Russell are kept in the National Archives and Records Administration, contain data which could shed a light on those processes in the postwar America relating institutional changes in the information agencies and growing government's commitment to the domestic information control.